

ГЛАВА 1

Почты не было.

— Может, завтра кто закинет. Если будет оказия. Может, послезавтра. Может, в среду, — пожал потемневшим от дождя плечом поручик Ельцов. Он не видел разницы, ибо не был влюблен.

Но Мурин, услышав это, чуть не расплакался от обиды и досады, поспешил отвернуться, сделал вид, что очень уж озабочен, как бы половчее пристроить повод. Шея коня была темной от дождя и пота, грива висела плетьюми, шерсть набухла от влаги, а низкое свинцовое небо собиралось наддать еще. Они только что вернулись из объезда — искали французские дозоры (не нашли). Мурин провел по шее коня рукой, как бы отжимая, отряхнул брызги. Страхнул брызги с кивера. Разозлился:

— Черт знает что такое! Свинство!

Он был зол сразу на все — на дождь, на грязь, на французов, на бестактного Ельцова, на лентяя курьера, который сваливал все почтовые мешки в штабе, чтобы они там дожидались, когда рак на горе свистнет. А пуще всего злился Мурин на Нину. Вот уж два месяца от нее не было ни листка. Что стоило послать

хоть записку? Что за финты? Разозлился — но тут же подумал: а вдруг больна? Или вообще умерла. В Петербурге с его промозглым климатом, особенно осенью, это запросто: еще ночью весело скакала в душной бальной зале, утром озноб, а вечером — несут гроб. Сердце тут же тяжело застучало. Измученный и отупевший от усталости ум был готов верить во что угодно.

— Мурин, ты чего? — удивился Ельцов. — Ты куда?

Но Мурин уже снова лез в седло. Зад его взмолился о пощаде, казалось, там образовалась сплошная мозоль, твердая и красная, как у особого рода обезьян. Хотелось сползти и лечь прямо на землю. Мурин фыркнул, дал повод. Но Азамат, его конь, не сдвинулся ни на йоту, только покосился недоверчиво и жалобно: мол, серьезно? Мурину стало совестно перед верным товарищем.

— Ну пожалуйста, — взмолился.

Азамат вздохнул, почти как человек, которому поручили неприятное задание, исключительно зная его доброе сердце, и, чмокнув, вынул копыта из грязи, чтобы снова в нее погрузить, побрел обратно к размокшему руслу, называемому подмосковной дорогой. Мурин поклялся себе, что едва доедет до отряда Давыдова, выпросит для Азамата хоть клочок сена, а как только доберется до штабного села, то и овса, сколько бы тот ни стоил.

Безлюдный осенний пейзаж расстился, покуда хватало глаз. Ветер обрывал последние желтые листья.

Березы казались особенно продрогшими, а редкие ели — особенно колючими. Мурин ехал и представлял себе Нину в гробу. Передернул плечами. «Чушь». Если рассудить... Уж такую новость кто-нибудь наверняка сообщил бы своему в полк, а этот свой непременно прочел бы вслух товарищам: ба! — слышали? — княгиня Звездич! — фьють — горячка — а как была хороша.

«То-то и оно, то-то и оно, прочел бы!» — заворачивались в ответ другие мысли: весь фокус в том, что было что прочесть. Письма из Петербурга в действующую армию шли регулярно с самого начала войны. Писали жены мужьям, матери сыновьям, невесты женихам, писали дедушки, друзья, тетушки, любовницы, кормилицы, студенты, братья, сестры, кузины, дядюшки, бывшие гувернеры и учителя русского языка. Строчили, корябали, выводили. Пересказывали сплетни, делились новостями, надеждами, тревогами, рассказывали о прочитанных романах и премьере «Дмитрия Донского» (при слове «отечество» зал вскочил в порыве, многие рыдали, несколько дам подчеркнуто упали в обморок). И только Нина не прислала и записки. Почему? Хороший вопрос. Ответа на него не было. Вернее, был, и даже очевидный, но такой, что Мурин не проехал и трех верст, как не только обсох, а даже и пылал от бешенства.

Только этим можно объяснить то, что случилось потом.

Сперва, правда, Мурин решил, что уснул дорогой и спит наяву.

Такое с ним случалось во время длинных маршей отступления, когда сутками не сходили на землю. Происходил этот сон наяву обычно так. Сперва седло под Муриным начинало как-то слишком уж раскачиваться. Будто лодка или колыбель. Мир качался в такт, но при этом запаздывал на четверть мига, как неуклюжий партнер в танце. Затем где-то в задней части головы как бы растягивалась черная ширма. И на ней начинали двигаться удивительно яркие цветные картины. По их слегка ядовитой яркости Мурин и понимал, что спит. Глаза его при этом были открыты, уставлены вперед. Но крупы лошадей и спины товарищей впереди, небо, затоптанные конницей поля, обгорелые остовы деревень скользили по его глазам, как по двум выпуклым стеклянным пуговицам. Только в самый первый раз, когда в голове вдруг расцвели лихорадочно-яркие видения, Мурин испугался, что спятил. Потом привык и уже спал с открытыми глазами запросто.

В этот раз он тоже сперва решил, что просто спит.
...Пам!

Никак выстрел? Голоса донеслись как сквозь воду. Голоса были русские, это точно. Мурин вскинул голову, обернулся, заметил за деревьями яркие пятна. Он еще не сообразил, что к чему, а Азамат уже направился туда, угадав желание всадника. Мурин едва

успел пригнуться, проехав под ветками, холодные капли сорвались, окропили его. Он выехал на поляну. Краски — неожиданно яркие в серо-буrom подмосковном лесу — заставили сердце екнуть. Синий всегда бьет по глазам в соседстве с белым, хоть и — как сейчас — замызганным. А уж после Бородина все французские мундиры заставляли екать сердце. Но сейчас эти французы не скакали, не орали, наострив сабли или пики, а на своих двоих стояли в ряд посреди поляны. Их плечи были сутуло опущены. Руки болтались, как пришитые. Пленные, понял Мурин. Его воспаленным от усталости и бессонницы глазам показалось, что красные детали на их воротниках и плечах шевелятся, как кипящее варенье. Все стояли, а один лежал. Пам!.. — и следующий синий француз осел, подогнув белые голени. Так же тихо кровь стала расползаться вокруг его головы. Затем Мурин увидел усача в растрепанных бакенбардах и с дымящимся пистолетом в руке. Тот деловито сунул пистолет ординарцу, взял из его рук другой, заряженный, перешел к следующему пленному. Приставил дуло к его виску. Пам!..

Мурин опять вздрогнул, и наконец тупость сле-
тела с него. Скатился из седла:

— Ты что, падла, творишь!

(Как все юноши его круга, он был с пеленок воспитан французскими нянями и гувернерами, и как все — с начала войны весьма развил свой русский

язык в общении с солдатами, хоть и не в том направлении, которое бы одобрил гувернер.)

Мурин сграбастал падлу-усача за грудки, встряхнул, притянул:

— Спятил? Пистолет! Сюда! Живо!

Усач и ухом не повел. С веселой наглостью изучал его лицо. Мурин видел собственное отражение в его глазах, ясных и светлых, совершенно спокойных. «Уж точно ли я не сплю?» — усомнился он и только тогда заметил остальных. Они стояли вокруг, глазели. Все в русском платье и заросшие, но оружие было армейским, выправка военной, а под космами на мордах можно было угадать усы и бакенбарды, как в одичавшем саду угадываются очертания когда-то стриженных садовником куртин. Партизаны, вспомнил Мурин новое слово.

— Чего лупитесь! — крикнул им. — Сюда!

Но и тогда никто не дернулся ему на помощь: вязать спятившего. Мурин перевел взгляд ему в лицо, в глаза. Такие чистые и пустые, что Мурин невольно ощутил внутри себя дрожь, будто наступил на гадюку.

— Ты что, сволочь, творишь, — повторил.

Усач внезапно расхохотался. Смахнул руки Мурина, точно они были ватные. Оборвал смех, сомкнул красиво изогнутые губы. На лице его была не то чтобы скучающая мина, а никакой вовсе.

— Да ну.

— Не нукайте, не запрягли!

Во взгляде усача впервые мелькнуло что-то, похожее на чувство. Злой интерес.

— А вам что до этого, ротмистр?

Но Мурин не собирался уступать.

— Убивать безоружных... Жестокость с пленными недопустима, господин... Не имею чести познать ваше звание в этом маскарадном платье.

Тишина. Среди глазевших побежал шепоток: «Ты что, ты что, оставь, это ж Долохов». А кто-то даже хмыкнул: это еще что за кретин? О Долохове, скандальном московском бретере, который был разжалован в солдаты, потом стал правой рукой Дениса Давыдова и в партизанских вылазках быстро прославился беспримерной смелостью, пошел вверх и стал уже чуть не полковником, об этом Долохове Мурин, конечно, слышал. «Черт побери».

— А вам не нравится мое платье? — процедил тот.

Краем глаза Мурин видел зернышки лиц вокруг. Неодобрение, любопытство, злорадство было написано на них.

— Мне не нравятся ваши поступки, — парировал Мурин.

Светлые глаза холодно уставились ему в лоб.

— Вот оно как... — процедил Долохов. — Кто же это у нас такой чувствительный? Надо же. С таким нежным сердцем — и уже ротмистр! Чудеса.

Стая тут же заворчала, подхватила:

— Набрали сосунков... Молоко на губах не обсохло... А командовать...

Зерно истины в этих попреках было. После Бородина звания в самом деле раздавали как баранки, как еще набрать офицеров?

На Мурина снова, как тошнота, накатило чувство, будто он спит. Действительность зыбилась и подрагивала, как подрагивает горячий воздух над степной дорогой.

«А я среди них один, — мелькнула мысль. И еще одна: — А спишут на французов».

Когда проваливаешься в страшный сон, важно хвататься за простые правила, прописные истины. Если повезет, вылезешь. Несколько таких простых правил Мурин на войне уже выучил. Например, то, что лицо у людей — на удивление твердое. Глупо бить по нему кулаком.

Мурин откинул голову и со всей силы врезал лбом Долохову в нос.

Услышал приятный мягкий хруст. «Рыло, может, сломал». Успел ощутить по этому поводу удовлетворение. А в следующий миг на него уже, конечно, кинулись, облапили, скрутили. И как бы выставили перед вожакom, предлагая тому решить участь незваного гостя. Мурин тяжело дышал. Вырваться нечего было и думать. Азамат тихонько заржал, топоча, мотая головой.

— Ишь, — Долохов потрогал нос тыльной стороной руки, которой держал пистолет. Опустил ее, установился на Мурина.

Кровь струилась из его носа, стекала в рот, капала с подбородка. Долохов держался с восхитительным равнодушием. Мурин не мог не отдать ему должное. Легенды о долоховском самообладании уже не казались преувеличенными.

Долохов стряхнул с пальцев кровь, сделал мимолетное движение в воздухе. Хватка вокруг Мурина тотчас разжалась. От него отступили, но недалеко. Тянули шеи, наблюдая за словесной дуэлью. Потеха!

— Куда ж тогда прикажешь девать эту сволочь? — спросил Долохов, как будто спрашивал в гостях, куда можно положить шляпу.

Мурин все не мог отвести глаз от его перепачканных кровью зубов.

— Пленных надобно доставлять... — Но куда доставляют пленных и что с ними делают потом, Мурин и сам не знал. В штаб?

— ...в указанное для этого место, — нашелся.

— Да у нас и кормить этих дармоедов нечем, — задумчиво заметил Долохов. Почесал лоб дулом пистолета. — Сами жрем что попало, да и то не каждый день. Людей лишних, чтобы нянчиться с ними, у нас нет. А таскать их с собой мы тоже не можем. Так нас быстро обнаружат.

— Зачем тогда в плен брали?

— В самом деле, — согласился Долохов легко. Так же легко, как только что убивал безоружных. — Не отпускать же их теперь.

Мурин понял, что имеет дело с законченным безумцем. Кровь капала и капала с его подбородка. Долохов, не глядя, промокнул рукавом.

— Что ж теперь с вами делать, а? — обернулся на пленных. Вернее, на пленного, потому что остальным уже все было равно: редкие осенние мухи собрались вокруг их быстро подсыхающей крови.

Стоял лишь один. Хотя говорили по-русски, он понял, что речь зашла о нем. Когда светлые глаза Долохова остановились на нем оценивающе, он заметно побледнел.

Долохов прищурился. Поднял руку с пистолетом, вытянул, нацелил на пленного француза, надул щеки, выдохнул:

— Паф.

Обернулся к Муруну:

— Ну и забирай его себе, раз такой умный.

Мурин посмотрел ему в лицо: шутит? Глаза у Долохова были все такие же — ясные и чистые. Совершенно неодушевленные. Мурин подошел к французу. Стараясь не смотреть ему в лицо и говорить тихо (опасаясь пробудить в людях лихо), бросил по-французски:

— Следуйте за мной.

И пошел к своему Азамату. Завидев хозяина, тот натянулся, как струна.

Но француз не двинулся. Громко («Ну что за идиот!») позвал:

— Господин офицер!

Мурин обернулся. Несколько партизан обернулись тоже — в глазах их проглянуло то самое лихо, которое опасался разбудить Мурин. И только француз было хоть бы хны:

— Мои сапоги.

Мурин посмотрел вниз, куда тот указывал. Француз стоял в мокрых чулках:

— Велите вашим товарищам вернуть мне сапоги.

Страх в его голосе Мурин не слышал, только легкую насмешку. Ему стало стыдно. Так и подмывало ответить: они мне не товарищи. Но это бы значило дать перед французом слабинку. Так и подмывало рявкнуть: заткнись. Но и заискивать перед партизанами не хотелось. Мурин нахмурился. Он почувствовал, как взоры снова оборотились на него: новая потеха.

— Какие еще сапоги? — сказал по-русски, стараясь, чтобы вышло нетерпеливо и строго, и бросил по-французски: — Следуйте за мной.

— Скажите им, чтобы вернули мне сапоги.

Азамат нервно водил ушами, косил жаркими глазами. Мурин взял его под уздцы, похлопал по шее, успокаивая; его бы самого кто похлопал и успокоил!

Он чувствовал, что колени мелко дрожат, в ладонях покалывало. Все это могло кончиться дурно.

Долохов насмешливо крикнул по-французски:

— Сапоги тебе дать? Скажи спасибо, что живой. Морда вражья. В ножки поклонись, — перешел он на русский. — Второй раз так не повезет.

Француз не отступил:

— Без сапог я не смогу передвигаться. Господин офицер! — снова взмолился он, обращаясь к Мурину.

«Нашел же себе заступника», — разозлился тот про себя. Но все же подошел к Долохову:

— Велите вашим людям вернуть ему сапоги. Мне плевать, кто что у кого и почему взял, я не потащу его на своей лошади. Она устала, уж это-то вы, конный офицер, должны уважать.

Что-то человеческое впервые мелькнуло во взгляде Долохова. Он посмотрел на Азамата. Оглядел с головы до ног. Потом глянул сквозь Мурина. Не сразу, но поднял руку, щелкнул пальцами. Пара сапог упала перед французом.

— Это не мои... — попробовал было возразить тот.

Но Мурин прошипел:

— Надевайте! Черт вас дерит.

Француз сел на траву, вырвал пучок, отряхнул, набил в мыски, стал натягивать на ноги черные трубы.

Долохов задумчиво смотрел Мурину в лоб своими чистыми глазами.

— Лошадь устала... — весело передразнил. — Эх, ротмистр, это цветочки. Ваши беды только начинаются.

ГЛАВА 2

Мурин за повод вывел Азамата из леса. Француз шел впереди, высоко вынимая из бурой травы ноги. Сам он был тощий. Ноги в длинных узких сапогах казались особенно голенастыми.

Мурин слушал спиной. Не собираются ли сзади пальнуть. «Нет, ну не до такой же степени они все... и этот Долохов тоже...» — возражал он-разумный, сам себе тому, у которого по спине от страха катил пот. Наконец позади опустился полог леса, и Мурин почувствовал себя спокойнее.

Сразу навалились опять и голод, и умственная тупость от дурного сна, и усталость, и досада. Опять впилась в сердце надежда. Мурин остановился. Теперь надо было решать, как же в самом деле быть. Ехать направо или налево?

Ситуация вырисовывалась былинная: витязь на распутье. Отличалась она от былинной только тем, что какое бы направление Мурин ни выбрал, коня наверняка угробит. Он на всякий случай посмотрел на товарища. Азамата тоже отпустило напряжение, от которого он несколько минут назад трепетал, как натянутая струна. Во всей осанке коня теперь видна была глубокая усталость. Уши разъехали в разные стороны,

точно не было никаких сил, чтобы собрать их вместе. Шерсть пропиталась потом и грязью. Бока ввалились, брюхо отвисло. Шелудивый одр, да и только. В животе у Мурина ныло от голода. Вдобавок начинало темнеть. О том, чтобы продолжать путь в штаб, нечего было и думать. Тут бы в полк вернуться подобра-поздорову. Или все же рискнуть и?.. Что, если в этот самый миг заветное письмо, письмо от Нины, жжет сквозь холстину почтового мешка? Как прожить еще один день? А может, два, или три, или вообще до четверга?

Француз тоже остановился, сорвал соломинку, сунул в рот, пососал, с любопытством разглядывая пейзаж. Обернулся на Мурина:

— Черт возьми, там, среди этой публики, я уж было...

— Вы можете не трещать хотя бы минуту? — вскипел Мурин.

Француз пожал плечами, вынул изо рта соломинку, отбросил:

— Как скажете.

И улыбнулся. Как бы всем лицом сразу: гармошка на лбу, гармошки на небритых щеках, морщинки вокруг глаз. Он был очевидно старше Мурина. Улыбался — а глаза всматривались в Мурина с опаской. «Да он же меня боится! — понял Мурин. — Как собаку бешеную... Не удивительно». Ему стало стыдно.

— Извините, — вздохнул. — Дело в том, что нам придется идти пешком.

И побрел в направлении, откуда совсем недавно выехал, кипя гневом, страстью и надеждами — и напрасно.

— Это-то я сразу понял, — с живостью заметил француз.

— Что? — на миг испугался Мурин: он что, читает мысли?

Но француз продолжал как ни в чем не бывало:

— Понял. Поэтому сапоги потребовал. Такие маленькие жилистые лошади, как у вас, обычно весьма выносливы, но уж коли устанет, то никакой силой с места не сдвинуть. А вы какого мнения?

Мурин глянул на его форму. Она была кирасирской. Кавалирист. Разбирается. Мурин смягчился:

— Так и есть. Но на самом деле он быстро приходит в себя.

Француз кивнул на Азамата:

— Что это за порода? Казацкая?

— Черкесская.

— Как-как?

Мурин повторил. Затем пришлось объяснить, кто такие черкесы и в какой части империи обитают. Француз спросил, сколько он платил за коня и в каком возрасте взял. Потом спросил, сколько еды выходит в неделю. Чем болел. Как тренировали. Каким шагом ходит лучше всего. Подыскал приличествующие случаю вопросы и Мурин, хотя кирасирские лошади — рослые и медлительные — никогда его не

интересовали. Француз отвечал охотно. Помолчали. Сеялся дождь. Стрекотал по бурым листьям. Оба вжимали голову, будто желали втянуть ее сквозь воротник совсем, как черепаха в панцирь.

— Вот что интересно. В каждой нации порода лошадей соответствует темпераменту местных женщин. Вы не замечали? — предложил новую тему француз.

Мурин сказал, что не замечал. Но тут же представил Нину. Можно ли сравнить ее с кобылой орловского завода? Он не заметил, как вытянул шею из воротника:

— Что вы имеете в виду?

Разговор опять ожил. Оба изо всех сил старались избегать опасных ям: ошибся ли Наполеон, решив зимовать в старой русской столице? И — кто сжег Москву: русские или французы? Обходили издалика. Говорили о женщинах (в основном француз) и лошадях (в основном тоже он). Так, за разговорами, и пришли. Звали французa Жан-Пьер Арман.

Это Мурин и ответил Ельцову, который поднял от подушки сонное лицо, заморгал, прищурился от света лучины и хрипло пробормотал: «А это еще кто?» Выслушал ответ. Выпучился:

— Ты что, Мурин, спятил? Где ты его взял?

Полковой командир сказал почти то же самое.

Рано утром Мурин отчитался ему о своем приключении. Подробности, которые могли возбудить

слишком много пустых вопросов, он выпустил, потому что ответов на них и сам не знал. Почему он вмешался? На это Мурин мог только пожать плечами с новенькими офицерскими эполетами.

Командир поскреб небритую щеку.

— Хм. На кой он нам?..

— Допросим!

— Хм. Допросить-то можно. Только нам оно зачем?

Все приказы идут из штаба, а наше дело — выполнять.

Мурин испугался, что командир скажет, как Долохов: «На черта он нам? — Уведи и расстреляй».

Заговорил с преувеличенной энергичностью:

— Вдруг он сообщит сведения исключительной важности.

Командир посмотрел на Мурина с сомнением. У того заалело ухо.

— Ладно. Веди его сюда.

Мурин высунулся в сени. Француз стоял, прислонившись к стене. За ночь он еще оброс: цыган, да и только. Между запавшими щеками торчал длинный кривой галльский нос. Мурин пригласил его войти. Француз встревоженно посмотрел ему в глаза. И Мурин не выдержал:

— Все в порядке. Мы просто хотим задать вам несколько вопросов.

— К вашим услугам.— Француз отлепил от стены тощее тело.

Из окошка избы сеялся неяркий свет. Пахло дымом от недавно протопленной печи. Командир стоял, заложив руки за спину.

— Добрый день, господин офицер, — любезно поприветствовал пленный.

Командир ответил тоже по-французски, и всем стало как-то неловко. На одном же языке говорят! Возникла какая-то неуютная моральная сложность. Но как вернуть делу простоту? Вести допрос по-русски и просить Мурина переводить? Тоже ахинея.

— М-да. — Командир почесал небритый подбородок и пустил пробный шар: — Ваше имя, звание, часть.

Жан-Пьер представился. В тепле командирской избы он расправил плечи, вытянул руки. Молодцевато назвал и отряд, и полк, и дивизию. Перечислил командиров. Отвечал он с видом человека, который весь как на ладони, ничего скрывать и утаивать не собирается. Только спросите. Умолк, ожидая продолжения. Его не последовало. Что еще спрашивать у словоохотливого пленного, командир не знал. Что у них обычно запрашивают? Где сейчас расположена ваша часть? Так понятно же где — где все: в Москве. Чем вооружены? А то мы сами не видели — Бородино ответило на все вопросы.

— М-да.

Полковой командир задумчиво посмотрел на Мурина.

— Вот что я думаю... — пробормотал по-русски, и от этого нехорошего начала у Мурина заколотилось сердце.

Но что думает командир, узнать он не успел. В сенях застучали сапоги, зазвенели шпоры, дверь распахнулась. Посыльный выкинул вперед руку с плоским пакетом:

— От господина главнокомандующего.

Мурин заметил шнур, сургучную штабную печать. Заметил и командир. Вмиг забыл о Мурине, о пленном, выхватил у курьера пакет. На ходу взломал печати, подошел к окну, поймал листом бледный свет. Мурин понял, что лучшего тактического момента не представится:

— Так я за ним присмотрю, за пленным этим? До дальнейшего прояснения.

— Да-да. — Командир уже хмурил брови, углубился в чтение, отмахнулся рукой.

Мурин скроил французу зверскую рожу: смотри не пикни. Пихнул его в плечо, прошипел: «Отсюда, живо». Поспешно вышел следом — в сени, с крыльца, во двор. Постоял. Подышал. Провел ладонями по лицу, будто умываясь, остановился на щеках. Фух, ну положеньице. Пленный стоял у крыльца и тревожно заглядывал Мурина в лицо:

— Что-то не так?

Мурин посмотрел на него сквозь свои растопыренные пальцы. Опустил руки.

— Все в полном порядке. Идемте.

— Что сказал ваш командир?

— Вас это не касается.

Француз поплелся за Муриным:

— Как скажете.

Но не выдержал:

— Куда мы идем?

— Вы пока разместитесь со мной. Удобств не обещаю. Только вот что...

Мурин остановился. Остановился как вкопанный и француз. Мурин посмотрел ему в глаза. Карие, с длинными ресницами, они ответили тем же. Зрачки подрагивали. «Боже мой, — подумал Мурин, — всё врут, по глазам нипочем не прочтешь, что за человек: дурной ли, хороший, честный или подлец». Это открытие ужаснуло его. Потому что этому человеку он сейчас собирался вверить свою участь. Но иного выхода Мурин не видел. Финтить и юлить он тоже не желал:

— Связывать вас я не собираюсь. Нянчиться и надзирать за вами тоже не смогу. Я вам не тюремщик. Если надумаете удрать, меня накажут.

Француз не отвел взгляд, тот лишь стал твердым:

— Вас за это расстреляют?

— Не думаю. Скорее всего, меня переведут в другой полк и разжалуют в солдаты.

— Тоже приятного мало.

Француз посмотрел Мурина поверх головы. Потом снова в глаза.

— Не удеру. Даю слово.

— Мурин! — донеслось со стороны палатки, и оба повернули головы. Это был Ельцов.

— Стойте здесь, — велел Мурин француз. — Сразу и проверим, как вы держите слово.

Француз хмыкнул, подобие улыбки промелькнуло по его лицу. Он вскинул и опустил ладони.

Мурин подошел к товарищу. Ельцов топтался на месте, то и дело бросая взгляд на пленного, беспокойно оглядываясь.

— Куда ты его ведешь? Расстрелять приказано? К оврагу ведешь?

— Никуда. В нашей палатке пока поживет.

— В нашей?!

— Да ладно, смотри какой тощий. Поместимся.

Лишь бы он во сне не пердел.

Шутка не помогла. У Ельцова дернулось лицо:

— Я не про это.

— А про что?

— Он враг.

Охота шутить у Мурина пропала.

— В данный момент он пленный и безоружный.

— Что это меняет? — шепотом взвизгнул Ельцов.

В глазах у него Мурин заметил огоньки безумия, которое после Бородина взял за правило всем прощать. Но даже и после Бородина ни с кем не желал это разделять, поэтому ответил сухо:

— Ничего не меняет. Ты прав. Честь — всегда честь.

Ельцов вскинулся:

— Честь? Они на нас напали, разорили пол-страны. Они... Они... Это, по-твоему, честно, это?

— Это на их совести. А у меня своя есть. И у тебя тоже. — И примирительно добавил: — Ельцов, не сходи с ума.

Но сам видел, что Ельцова уже понесло. Губы его затряслись.

— Я с этой канальей в одной палатке жить не буду!

— Послушай, ты уже спал в одной с ним палатке.

— Не спал! Я глаз не сомкнул. Он враг. Он нас ночью прирежет и будет счастлив.

— Он дал мне слово чести.

Но Ельцов только негодуя взмахнул руками и пошел прочь.

Мурин сделал губами «пр-р-р-р». Этому он научился у Азамата. «Ладно, — решил. — Разберемся как-нибудь». Не в траве же Ельцов ночевать останется. Все-таки не лето.

— Идемте, — позвал он француза.

Тот подошел:

— Ваш товарищ недоволен, что вы меня пригласили к себе?

Мурину не понравилось слово «пригласили», но от бессмысленных споров он устал, заводить еще один — увольте. Мурин отвел полог и показал французу, где его место: наваленное сено было накрыто потертым ковром, и валялась кожаная подушка.

Достал и бросил ему фляжку:

— Вода.

Вынул из-под ковра мешочек. Развязал, вынул сухарь. Осмотрел. Зеленоватый, но в целом еще ничего, особенно если соскрести плесень. Бросил мешок француз:

— Хлеб.

Тот поймал, ухмыльнулся — опять лицо собралось гармошками:

— А зрелища?

В этот раз к улыбке присоединился и взгляд: «Вы славный малый, я тоже», говорил он. «И как вы, из древней истории знаю совсем немножко, только-только, чтобы sprysnut' речь, — мы с вами не какие-нибудь ученые педанты!»

Чтобы не улыбнуться в ответ, Мурин поспешно сунул себе в рот сухарь.

— Вы, гляжу, шутник, — пробормотал он сквозь зубы, нажал на сухарь посильнее, расколол, захрупал.

Казалось, оба дробят во рту камни. Господин Арман задорно глянул исподлобья, остановил молотилку, сдвинул куски сухаря в щеки, которые натянулись, как у бобра:

— Что ж теперь, рыдать? — снова захрумкал, захрустел. Подтянул к себе флягу, воздел, как бокал, подмигнул, поднес ко рту.

Зрелища не заставили себя долго ждать.

ГЛАВА 3

Ельцова он нашел возле лошадей. Солдаты задавали корм. Ельцов делал вид, что полностью поглощен созерцанием: должно быть, заметил Мурина еще изда-лека. Мурин встал рядом и тоже стал смотреть. Никто не хотел начинать разговор первым. Мурин понял, что это придется сделать ему.

— А ты бы как хотел?

Ельцов покосился:

— Что как?

— Ну иди тогда сам его и расстреляй.

У Ельцова дернулась нижняя губа.

— Вот-вот, — заметил Мурин. — Потому что ты добрый малый.

— Ненавижу слово «добрый». С некоторых пор.

Ельцов сорвал сухую травинку. Венчик ее напо-минал гусарский султан. Принялся не глядя стегать себя по ноге.

— Я тоже ненавижу, — согласился Мурин. — Но дела это не меняет. Лучше быть добрым, чем скоти-ной.

— Куда ты его денешь?

— Есть какие-то обозы с пленными. Я слышал. Как встретим такой — сдам, и все дела.

Ельцов покачал головой:

— Навесил ты себе камень на шею, Мурин. Помня мое слово: ты еще об этом пожалеешь.

Он отбросил травинку и зашагал прочь.

Мурин остался смотреть на лошадей. Они губами выбирали из смеси соломы с сеном те клочки, где сена побольше.

Мурин лежал без сна. Таращился на темный пол. Пердеть во сне француз не пердел, конечно. Не с чего было: поужинали тоже сухарями. И на том спасибо. Здесь, в окрестностях Москвы, раздобыть провиант было невозможно. А отъезжать далеко от расположения никто не рисковал. То и дело попадались трупы, зарезанные и обобранные до нитки, так что не понять было даже, наши это были или не наши. Французская пропаганда винила русских крестьян. Русская — французских мародеров. Голодали все.

Но уснуть Мурину мешал не голод.

«Почему?» — спрашивал он себя. Ответ не давался. «Все из-за того, что мы говорим на одном языке», — размышлял он, и делал это, сам не замечая, то по-французски, то по-русски. «Понимаем их соображения и поэтому признаем друг в друге мыслящих существ. От этого враг становится для тебя

человеком. Если бы на моем месте был мужик, крестьянин, то прихлопнул бы этого господина Армана, как муху, не задумываясь, и как звать не спросил бы. Да и француз прихлопнул бы мужика. Вот именно что как муху, насекомое». Мурин повернулся на другой бок, давно опробованный и давно безнадежный. Был бы у него какой-то третий бок, попробовал бы его.

— Не спится? — спросил из темноты француз.

Оказалось, тоже не спал.

— Душно. Может быть, приподнять полог?

— Кто она? — спросил француз.

— В каком смысле?

— Ищите женщину. И, должно быть, восхитительную.

Голос был мечтательно-сочувственным. Мурин буркнул:

— С чего вы взяли? — Он решил свернуть этот разговор.

— Догадался.

— Ткнули пальцем в небо. Раз есть мужчина, есть и женщина.

— Вот и нет. Сделал вывод после наблюдений. За вами. Вы ехали к ней? Нет, ерунду говорю. Вы из благородного сословия. Стало быть, дама ваша никак не ниже модистки по положению. От обычной шлюхи вы бы не скисли, шлюхи не бьют по самолюбию. Впрочем, и модистки не особенно. Значит, дама,

скорее всего, тоже из благородных. А так как все благородные русские дамы загодя убрались из Москвы, на полста лье вокруг ни одной не отыщешь, то речь, скорее всего, идет о письме от этой дамы.

Мурин молчал, пораженный.

— Я прав? ...Господин Мурин, вы уснули?

Мурин нехотя разлепил губы:

— Нет, я не сплю.

— Хорошо. — Было слышно, как пленный устроил голову поудобнее, будто чтобы помочь своим мыслям литься свободнее. — Тогда продолжим. Значит, письмо, решил я. Это первое. Второе: ваша лошадь еле волокла ноги. Я подумал: если господин офицер в военную пору и на ночь глядя не пожалел свою лошадь ради письма от женщины, то эта женщина либо восхитительна, либо жестоко играет им, а скорее всего — то и другое. — Пленный пробормотал сквозь зевок: — Либо, конечно, этот офицер полный болван, но вроде бы вы не таков.

Мурин лежал на своей постели, похолодев. «Неужели я так прост?» — думал он. И: — «Неужели для Нины это всего лишь игра?»

— Наконец, третье, — увлеченно продолжал господин Арман. — Как и любую гипотезу, мою следовало проверить. Что я и сделал. Я нарочно заводил речь о женщинах, а чтобы это не слишком бросалось вам в глаза — и о лошадях тоже. Я наблюдал за

вашим лицом. Оно так и каменело, стоило мне коснуться темы прекрасного пола. А когда я стал рассуждать о непостижимых поступках ветрениц, вы затаили дыхание и полностью обратились в слух: человек, который сам попал такой особе в когти. Voilà.

Тишина. Господин Арман будто ждал аплодисментов. Мурин кашлянул.

— Она не ветреница, — выдавил.

Француз деликатно промолчал.

— А впрочем, я и сам не знаю, что думать, — уточнил Мурин по идиотской привычке к правдивости.

Собеседник вздохнул, в его тоне проскользнуло что-то горько-мечтательное:

— Не вы один. Ах, femmes...

Очевидно, заныли старые раны. Оба почувствовали некое родство душ. Мурин тут же себя одернул:

— Вы что, до войны промышляли тем, что в балаганах гадали по руке и на кофейной гуще?

Француз вроде бы не обиделся.

— Нет, — просто ответил. — Никаких гаданий. Научный подход и работа мысли. — В темноте было слышно, как он поднял пятерню и стал загибать пальцы. — Наблюдение. Сбор сведений. Сопоставление. Рассуждение. Вывод. До этой войны, господин Мурин (у него получилось скорее «Мурэн»), я служил в Сюртэ.

Он умолк, ожидая реакции.